

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'28
DOI 10.17223/18137083/53/14

А. Е. Аникин

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Критико-этимологические этюды: примеры недоразумений, неточностей и фальсификации в русской диалектной этимологии и лексикологии

Статья посвящена некоторым негативным явлениям в русской этимологии и лексикологии. Они иллюстрируются примерами. Речь идет об использовании несуществующих слов, некорректном цитировании этимологий других авторов, искажениях диалектных слов. Особое внимание уделяется «Словарю русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова, в котором содержится ряд фальсифицированных данных. Последствия не критического использования словаря Л. Е. Элиасова очень нежелательны. Между тем его данные широко используются в других диалектных словарях русского языка, цитируются и анализируются в праславянских словарях, а также во многих других диалектологических и историко-лингвистических публикациях, и не только по славянским языкам.

Ключевые слова: этимология, лексикология, искажения слов, фальсифицированные данные.

В не слишком многочисленных работах по типологии этимологических исследований (главным образом, словарей; см. [Malkiel, 1976]) как будто отсутствуют упоминания об этимологиях, основанных на недоразумениях и ошибках, хотя на практике они встречаются не столь уж редко. Они представляют определенную опасность для нашей науки и должны или выводиться из научного оборота, или помечаться как требующие особой осторожности. Далее иллюстрации.

1. В монографии И. Новиковой о русских названиях грызунов [Nowikowa, 1959, S. 23–24] для известного зоонима *выхухоль* предлагается сравнение с калмыцким *ö х̄хул^л* ‘светло-коричневого цвета с черной и темной гривой’, *хар^ахул^а* ‘вид рыси’. Этимология отражена в дополнении О. Н. Трубачева к словарю М. Фасмера [ЭСРЯ, т. 1, с. 372] а также в других работах, в том числе недавнего времени [Havlová, 2010, s. 99; Orel, 2007, vol. 1, p. 228].

Данная этимология включает момент недоразумения, так как цитируемое Новиковой *ö* – не более чем неправильно понятое сокращение *ö* в калмыцком слова-

Аникин Александр Евгеньевич – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; alexandr_anikin@mail.ru)

ISSN 1813-7083 Сибирский филологический журнал. 2015. № 4
© А. Е. Аникин, 2015

ре Г. Рамстедта. Оно расшифровывается как *ölätisch*, т. е. немецкое название олётского наречия калмыцкого языка (ср. *dörbötisch* – дербетское наречие), но отнюдь не является морфемой калмыцкого языка. Кстати, и за вычетом этой псевдоморфемы калмыцкая этимология *выхухоли* крайне сомнительна. Калм. *х̄б̄хил^л* включает *х̄б̄* ‘соловый, светло-желтый (о лошадях)’ и *хил^л* ‘светло-коричневый с черной гривой и черным хвостом’ [Ramstedt, 1935, S. 191]. Каким образом вся эта гиппология может быть связана с выхухолью – «водяным зверком», у которого «нос хоботом» [Даль, т. 1, с. 325] и сильный запах мускуса?

2. В публикации двух авторов [Дмитриева, Сулоева, 2012, с. 176] якутское название реки Лены, представляемое в виде *Йолюйонэ* и *Элиэнэ*, выводится из юкагир. *Йойл-эну(нг)*, букв. ‘река с крутыми берегами’. Авторы можно было бы упрекнуть в том, что они не приняли во внимание авторитетное мнение, согласно которому якутский гидроним – из русского языка [СЯЯ, с. 1941, 1968]¹. Здесь, однако, следует обратить внимание на другое: объяснение двух авторов полностью совпадает с тем, что было предложено А. А. Бурькиным: якут. *Ёлюёнэ* (*Йолюйонэ*) или *Элиэнэ* < юкаг. *йойл-энунг* ‘река с крутыми берегами’ [Бурькин, 2011, с. 14]. Совпадает и такая деталь, как упрощенная передача одного из вариантов якутского гидронима: следовало бы *Өлүөнэ* = *Ölüönä*.

Отсутствие в публикации Л. М. Дмитриевой и Е. В. Сулоевой ссылки на А. А. Бурькина приходится расценить как, мягко говоря, некорректное. Это касается и юкагирской этимологии названия Байкала, которое, согласно Бурькину, из юкагир. *вайгуол* ‘плавник’. Тот же этимон у Дмитриевой и Сулоевой (см. по этому поводу [РЭС, вып. 7, с. 345]). Ознакомились они с указанными (и некоторыми другими) «своими» этимологиями скорее не по цитируемой здесь публикации А. А. Бурькина, а по его размещенному в Интернете очерку «Юкагирский язык»², откуда беззастенчиво взяли целые куски текста, лишь подвергнув их некоторому редактированию. Уточнение деталей в задачи настоящей статьи не входит.

3. В диалектные словари и иные источники по диалектной лексике не так уж редко проникают факты, подвергшиеся невольному искажению со стороны лиц, имевших отношение к фиксации слов, их копированию, а также набору в типографии. Речь идет об опечатках и опечатках, невнимательном и/или неверном прочтении диалектных записей (например, смешении букв *ч* и *г*, *ш* и *т*, *ш* и *м* и под.). Очень метко высказывание В. И. Даля об опечатках в словарях: «...множество подобных ошибок... крайне докучливы и могут всякого ввести в просак» [Даль, т. 3, с. 546].

В словаре Фасмера есть примеры, хоть и единичные, подобного попадания «впросак». Так, взятое у Даля диал. *отсумивать* ‘отвращать любовь’ признается тюркизмом, связанным с тюрк. *sūt* ‘любовь’ и под. [ЭСРЯ, т. 3, с. 173; Шипова 1976, с. 253]. Но практически несомненно, что речь идет об искажении: не *отсумивать*, а *отсумивать*, ср. *отсумить парня от девки*, противоположно *присумить* ‘заставить изнывать любовью’: *девка парня присумила* [Даль, т. 3, с. 449].

Средство предотвращения подобных явлений состоит в том, чтобы, во-первых, признать критическое отношение к данным диалектных словарей, главным образом СРНГ (где немало старых и плохо поддающихся проверке диалектных данных), необходимой компонентой диалектной этимологии, а во-вторых, признать

¹ Имеется попытка исконно русской этимологии названия *Лена* [Аникин, 2012].

² <http://lingsib.iea.ras.ru/ru/languages/yukagir.shtml>. А. А. Бурькина можно упрекнуть в том, что он в своем кратком очерке этнической истории юкагиров даже не упоминает о существовании иных («неюкагицентричных») взглядов на происхождение названий *Лена*, *Байкал*.

конъектуры для диалектных слов одним из средств русской этимологии. Разумеется, применять его следует осторожно, не в ущерб обычным средствам.

4. Весьма многочисленны опечатки и неточности в «Словаре русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова [СРГЗ]. Примером может служить *корóна* ‘царство’ [Там же, с. 165] – явное искажение слова *корóна* ‘регалия владетельных особ’ [Даль, т. 2, с. 168]. Подобные примеры можно отнести на счет того обстоятельства, что Л. Е. Элиасов безвременно ушел из жизни, не успев завершить свой труд. Однако в данном случае опечатки и неточности, увы, не главная беда. У словаря Элиасова есть уникальная для русской диалектной лексикографии особенность: наличие значительного пласта данных, которые с высокой степенью вероятности квалифицируются как фальсифицированные, что находится в полном противоречии с рекомендацией редактора словаря Элиасова, Ф. П. Филина: этот словарь сделан «добротнo и со знанием дела» [СРГЗ, с. 3]³. Публикация этого труда была непоправимой ошибкой, а его составитель и главный редактор, которому нередко ставили в заслугу развитие русской диалектной (и не только диалектной) лексикографии, оказали ей медвежьё услугу.

Обнаружение подделок стало возможным прежде всего из-за опечаток или ошибок в использовавшихся Л. Е. Элиасовым словарях-источниках: эти неточности он не замечал или игнорировал. Так, забайк. *сон* ‘мясо, имеющее сладковатый привкус’ [СРГЗ, с. 358] повторяет искаженное сибирское *сон* ‘сладкое или почечное мясо’ [Даль, т. 4, с. 270] – в действительности *сок* ‘сладкое мясо’, также ‘свежая сосновая заболонь, поедаемая как лакомство’ [ЭСРДС, с. 503], ср. *сочное мясо*. Сибирское слово Даль взял из вторых рук, и неточность в его словаре понятна. Но от словаря Элиасова ожидаются записи живой диалектной речи, откуда у него пресловутый *сон*? Ответ на вопрос дает толкование Л. Е. Элиасова, которое нельзя понять иначе как вымысел, грубую подделку⁴: он взял слово у Даля, воспользовался его толкованием, но не понял его: *сладкий* по отношению к мясу значит не приторно-противный, но ‘вкусный’. *Сладкое мясо* = *лучшее, филе* [Даль, т. 4, с. 216]. Якобы записанный Л. Е. Элиасовым контекст не может не удивить: *очень редко, но встречаются коровы или овцы, у которых мясо сладкое, соном оно прозвано, ну до того сладкое, что противно его есть* [СРГЗ, с. 388]⁵. Это слово вошло и в СРНГ [вып. 39, с. 322], и в СибСл. [т. 4, с. 385].

Автор этих строк уже не раз выступал с предостережениями по поводу СРГЗ⁶, но эффект от этих выступлений, как выясняется, невелик. Представляется необходимым еще раз напомнить о «своеобразии» этого словаря и последствиях его некритического использования. Его «золотые словесные россыпи» (определение Ф. П. Филина, см. [СРГЗ, с. 3]) широко используются в СРНГ и в большом количестве вошли в уже завершённый СибСл. В сводных словарях лексические данные Л. Е. Элиасова смешаны с данными иных источников, не вызывающих сомнений в их доброкачественности (возможные опечатки не в счет), что усугубляет проблему. Лексика из СРГЗ цитируется и анализируется в фундаментальных праславянских словарях [ЭССЯ; SP], а также во многих других диалектологических и историко-лингвистических публикациях⁷, и не только по славянским языкам.

³ Еще одно противоречие обусловлено тем, что Л. Е. Элиасов на протяжении десятилетий вел активную полевую работу (он скончался, находясь в экспедиции).

⁴ При цитировании сомнительных данных из словаря Элиасова географическую помету уместно было бы всякий раз заключать в кавычки: «забайк.»

⁵ Тема «сладкого мяса» рассматривается в другой публикации автора настоящей статьи.

⁶ См.: [ЭСРДС; Аникин, 2002; РЭС, вып. 1]. Эти критические выступления по поводу СРГЗ ставились их автору в заслугу [Молдован, Пичхадзе, 2013].

⁷ Из последних по времени см. [Лиханова, 2013].

В словнике СРГЗ обращает на себя внимание обилие экзотических, явно не объяснимых на русской почве слов, происходящих, по указанию Л. Е. Элиасова, из эвенкийского, бурятского, якутского языков, а также «заимствованных неизвестно от каких народов» [СРГЗ, с. 7]. «Неизвестность» в данном случае относительна. На роль экзотического слова такого рода может претендовать, в частности, русско-камчатское *опána* ‘корм для собак, разварная вяленая рыба’ [Даль, т. 2, с. 675] ительменского происхождения [ЭСРДС, с. 90]. Это слово повторяется в забайк. *опána* ‘название корма для собак’ [СРГЗ, с. 266; СРНГ, вып. 23, с. 234; СибСл., т. 3, с. 87]. Если воспринимать забайк. *опána* всерьез, то приходится допускать «диффузию» русско-камчатского диалектизма в Забайкалье⁸, но это невероятно как географически, так и с точки зрения реалий. В русско-камчатском диалекте *опána* связано с использованием ездовых собак, а также с тем, что рыба (как и на всем Северо-Востоке Азии) составляла основу рациона собак и людей, и что делать этому слову в Забайкалье? Аналогичным образом обстоит дело с русско-камчатским *отól* ‘решетка у рыболовного запора’ [Даль, т. 2, с. 742] – названием специфической реалии быта ительменов и русскоязычных камчадалов, которая лишь по волшебству могла бы оказаться (как и ее название) в Забайкалье: *отól* ‘решетка у рыболовного запора’ [СРГЗ, с. 276; СРНГ, вып. 24, с. 256; СибСл. т. 3, с. 134]. Сходные суждения могут быть высказаны по поводу забайк. *аут* ‘скребок с тупыми зубцами для очистки мездры у сырых кож’, совпадающего с русско-камчатским *аут* [Даль, т. 1, с. 30], из ительменского или корякского названия кремневого скребка [РЭС, вып. 1, с. 340]. В данном ряду можно назвать и фигурирующие в словаре Элиасова (откуда в СРНГ и СибСл.) забайк. *камлель* и *камлэй*, *камлэя*⁹, *марик*, *укэнчина*, *уповán*, *хоньбы*, *чаут*, которые формально и семантически совпадают с заимствованными из чукотско-камчатских языков русскими диалектизмами (см. словарь В. И. Даля): камч. *камлэя* ‘верхняя одежда с наголовником’, *марик* ‘рыболовный багор с подвижным крюком’, *уповán* ‘полоса в ладонь, пришиваемая к подолу куклянки’, *хоньбы* ‘коряцкая женская одежда из собачины’, *чаут* ‘род ременного аркана у коряков’¹⁰ [ЭСРДС, с. 250 и др.].

Отбрасывая предположение о «диффузии» русских слов с Северо-Востока Азии в Забайкалье (ср. по этому поводу соображения А. А. Бурыкина¹¹) нельзя не прийти к выводу о том, что эти слова – не что иное, как собственное изобретение Л. Е. Элиасова по упомянутой выше методике. Взятые у Даля слова, например, упомянутое *отól*, Л. Е. Элиасов снабдил вымышленными контекстами и «точной» географической привязкой (*отол поставили и пошли спать*¹², место фиксации – Сретенск, см. [СРГЗ, с. 276]) вплоть до ссылки на конкретных информантов, что рождает иллюзию особенной достоверности материала. Таким образом, цитированные *чаут* и *хоньбы* из словаря Даля [т. 4, с. 560, 584] превращаются

⁸ Что и было сделано, к сожалению, в [Аникин, 1988].

⁹ В словаре Элиасова не редкость словарные статьи, имеющие вид вариантов одной – две, а иногда и больше. Можно предположить, что они создавались с целью увеличить объем СРГЗ.

¹⁰ Слова *камлэя*, *хоньбы*, *чаут* известны также в русско-колымском диалекте.

¹¹ А. А. Бурыкин пишет, что казаки и промышленные люди в XVII и начале XVIII в. после службы на Севере и Северо-Востоке Сибири перебирались куда-нибудь в Иркутск или Якутск, и с ними на юге Сибири могли появляться чукотские и т. п. заимствования [Бурыкин, 2002, с. 48], зафиксированные в СРГЗ. Непонятно, однако, почему в этот словарь попали по преимуществу только определенные слова такого рода (если признать их существование), и в особенности те, которые имеются в словаре Даля. И почему слов типа *опána* нет в других источниках по забайкальской лексике, только в СРГЗ?

¹² Контекст, как и многие другие в СРГЗ, ни к чему не обязывает: спать можно пойти после чего угодно.

у Элиасова в *ча́ут* ‘ременный аркан в 2–3 сажени длиной, на который привязывают скотину в огороде’ и *хо́ньбы* ‘голеньца из собачьей шкуры’ [СРГЗ, с. 444, 449; СибСл., т. 5, с. 229, 262]. Подобные «изменения значений» гораздо больше похожи на результаты произвола автора СРГЗ.

Знак вопроса должен быть поставлен над большинством (если не над всеми) почерпнутых в СРГЗ очень многочисленных – в сравнении с другими словарями русских говоров Сибири – эвенкийских, бурятских и якутских заимствований в говорах Сибири, рассматриваемых в работах многих авторов (например, [Аникин, 1990]). Значительная часть элиасовского материала была устранена в [ЭСРДС-1997] (по мере работы над словарем), в гораздо большей степени – в ЭСРДС, но следовало, видимо, вообще от него избавиться, как это сделано в РЭС.

Забайк. *мунту́к* ‘сильный порыв ветра, вихрь’ [СРГЗ, с. 214; СибСл., т. 2, с. 302] очень напоминает один факт из словаря Э. К. Пекарского (где используется дореволюционная русская орфография), а именно, якут. *мунтук* ‘вихорь’ [СЯЯ, с. 1625]. Есть основания думать, что якобы забайкальское слово основано на недоразумении: при его «создании» Л. Е. Элиасов неверно понял значение якутского слова, решив, что последнее значит ‘вихорь’ (из-за конечного *ъ*), в то время как речь идет о значении ‘вихор, завиток волос’. Приведенный пример фальсифицированного якутизма и ряд подобных ему [Аникин, 2002] усиливает сомнения в подлинности других слов предположительно якутского происхождения в СРГЗ наподобие *мамы́ка*, *каска́м*, *хо́дра* (более 50 слов). Так, рус. *мамы́ка* (приведено также в [СибСл., т. 2, с. 256]) явно то же слово, что якутское *мамы́ка* ‘поминки’, причем последнее, о чем Л. Е. Элиасов, видимо, не знал, из русского диалектизма *поминка* (литер. *поминки*). Какие причины могли побудить русских заимствовать у якутов название похоронного обряда, притом именно то слово, которое ранее уже было заимствовано якутами у русских? Не менее странен, кстати, факт наличия в забайкальском словаре лексемы *тохрихи́м* ‘погребальный саван’ [СРГЗ, с. 414; СРНГ, вып. 44, с. 302; СибСл., т. 5, с. 74], взятой из еврейского *тахрихим* [ЭСРДС, с. 558].

Преобразования, якобы переживаемые якутскими словами при заимствовании в забайкальские говоры, как они отражены в словаре Элиасова, необъяснимы. Каким образом, например, из якутского *ка́скил* ‘судьба, участь’ [СЯЯ, с. 1063] возникло упомянутое рус. *каска́м* ‘человек, предсказывающий будущее’ [СРГЗ, с. 152; СибСл. 2, с. 44]? Такой же вопрос уместен по отношению к забайк. *хо́дра* [СРГЗ, с. 443] ‘озерная трава, которую косят по льду’ при его сравнении с якут. *ходу* ‘озерная трава, которую косят по льду’ [СЯЯ, с. 3435]. Толкование же забайк. *убас* ‘жеребенок, который перестал сосать матку’ и сопровождавший его контекст (*теперь для убасов надо траву возить, а на зиму им только сена подавай*) [СРГЗ, с. 420; СибСл. 5, с. 120]) трудно расценить иначе как пересказ предположенного в СЯЯ объяснения семантики якут. *убаса* ‘возраст жеребенка, когда его можно кормить исключительно сеном без молока матери’ [СЯЯ, с. 2698]. О реальности ударения в рус. словах типа *убас* говорить едва ли имеет смысл.

Очень много похожих вопросов и сомнений вызывают многочисленные эвенкийский и бурятский пласты заимствований в СРГЗ. Здесь достаточно ограничиться несколькими примерами (см. подробнее [Аникин, 2002, с. 40]). Забайк. *чатаку́н* ‘длинный шест для управления оленями, хорей’ [СРГЗ, с. 451; Сиб. слов., т. 5, с. 262], скорее всего, не более чем искажение эвенк. *гатахун* ‘кол’ и вследствие этого очень сомнительно. Семантическое развитие ‘кол’ > ‘хорей’ интересно сравнить со странным семантическим сдвигом, который в забайкальских говорах испытало, если верить словарю Элиасова, известное слово *хорей* ‘шест для управления оленьей упряжкой’ [Даль, т. 4, с. 543]: оно стало названием палки для подпирания ворот [СРГЗ, с. 444; СибСл., т. 5, с. 229]. Иначе говоря, привычное обо-

значение шеста для управления оленьей упряжкой¹³ ни с того ни с сего становится в забайкальских говорах названием запора для ворот, а названию обычного кола приходится замещать обозначение хорея.

Перечисляя во вводной статье используемые в СРГЗ письменные источники, в том числе малоизвестные, Л. Е. Элиасов не упомянул труд Даля, хотя с достаточным на то правом мог привлекать (со ссылкой!) подходящие диалектные факты. К таковым не относятся русско-камчатские слова, но вполне допустимо было использовать слова, снабжаемые у Даля пометами «забайк.», «вост.-сиб.», «сиб.». Так, Элиасов мог вполне «легально» процитировать вост.-сиб. *такжой* 'место, где живут лоси' [Даль, т. 4, с. 387]. Вместо него в СРГЗ со ссылкой на информантов А. Данилова и Е. Магая дается некое *такасой* 'место, где чаще всего собираются лоси' (*такасой от такасоя был версты четыре* [СРГЗ, с. 405; СРНГ, вып. 43, с. 226¹⁴; СибСл., т. 5, с. 21]), которое нельзя понять иначе как искажение взятого у Даля слова¹⁵: при копировании буква *ж* превратилась в сочетание букв *ас*.

Субстантивированный адъектив женского рода *худяя* 'венерическая болезнь' [Даль, т. 4, с. 587] явно то же слово, что *худял* 'заразная болезнь' в словаре Элиасова. Недостоверность последнего обнаруживает контекст: *от худала многие поумерли* [СРГЗ, с. 446; СибСл., т. 5, с. 238]. При списывании слова из Даля оно было искажено, и уже для искаженной формы была придумана иллюстрация с летальным исходом. Аналогичный пример дает забайк. *чанкйрал* 'лошадь белой масти' [СРГЗ, с. 450; СибСл., т. 5, с. 257] при сиб. *чанкйрая* (лошадь) 'белая, серая, пегая, но морда, ресницы и подпашье и копыта белые' [Даль, т. 4, с. 581], монгольского происхождения. Наряду с *чанкйралом* у Элиасова имеется не менее странный *чанкыр* 'лошадь любой масти с белыми губами и белыми ноздрями' [СРГЗ, с. 450; СибСл., т. 5, с. 257]. В «забайкальском» слове *курыл* 'заводь, речной залив', 'старое русло' (*воду из курыл пить нельзя* [СРГЗ, с. 177; СибСл., т. 2, с. 179]) конечное *-ыл* «заменяет» *-ья* в рус. диал. *курья* 'заводь, залив', 'старица' [Даль, т. 2, с. 225]. При этом у Элиасова есть еще некое *курь* 'узкий проток, связывающий два озера' [СРГЗ, с. 177; СибСл., т. 2, с. 179].

Если верить словарю Элиасова, забайк. *ортик* 'амулет, талисман' [СРГЗ, с. 269] – своеобразная филиация сибирского диалектизма *ортик* 'остяцкий идол' [Даль, т. 2, с. 691] хантыйского происхождения [ЭСРДС, с. 429]. Но можно ли делать вывод, что словарь Элиасова позволяет расширить наши представления о географии хантыйских заимствований? Такая возможность практически сводится на нет тем, что слово *ортик*, попавшее в словарь Даля, известно в русском языке только как редкое и книжное (в словарях и литературе о хантах), – и как объяснить, что именно в Забайкалье оно вдруг превратилось в употребительное слово живой речи?

Подробный разбор подобных фактов может занять целый словарь. Только при сличении совпадений СРГЗ и словаря Даля, касающихся заимствованной лексики, можно насчитать больше сотни слов с более или менее явными признаками недостоверности (список см.: [Аникин, 2002]). Но представляется, что одного примера наподобие *сон* достаточно, чтобы подорвать доверие к СРГЗ.

В обзоре источников, используемых в СРГЗ, Л. Е. Элиасов упоминает составленный в XIX в. небольшой лексикон енисейских говоров М. Ф. Кривошапкина [СРГЗ, с. 28]. Некоторые совпадения между этим лексиконом и СРГЗ внушают

¹³ Приходится обойти вопрос о том, насколько оленьи и собачьи упряжки были актуальны для русских в Забайкалье. См. по поводу езды на собаках [Бурыкин, 2002, с. 53–54].

¹⁴ В СРНГ [вып. 43, с. 228] дается и *такжой*.

¹⁵ Возможно, что искажение содержится и в подаваемой у Даля форме *такжой*: в [ЭСРДС, с. 526] допускается конъектура *шакжой*.

сомнения не меньшие, чем указанные выше. Так, приводимое Кривошапкиным енис. *калаум* 'охотничья сума' отыскивается в СРГЗ именно в этой форме: *калаум промок* [СРГЗ, с. 146; СРНГ, вып. 12, с. 336; СибСл. 2, с. 22]. Между тем *калаум* не более чем искажение известного диалектного тюркизма *калауш* с вариантами *калаус*, *калауз*, но не *калаум*¹⁶. Список сомнительных слов заимствованного происхождения в СРГЗ, повторяющих слова из лексикона Кривошапкина, содержит не менее двух десятков единиц, в их числе, например, *дут* 'инструмент для сшивания бересты у остяков (кетов)', которое в словаре Элиасова превратилось в *дут* 'приспособление для натягивания обручей на бочку' [СРГЗ, с. 106; СибСл., т. 1, ч. 2, с. 79]. К заимствованным словам примыкают исконные, например, *слопéц* 'род ловушки у мелких зверей', значение которого в СРГЗ выглядит весьма странным: 'охотничий заряд на медведя'. Оно объяснимо лишь как результат неверного понимания составителем СРГЗ семантики енис. *слопéц* 'охотничий снаряд' [Кривошапкин 1865, с. 59]. «Снаряд» здесь относится к орудию для ловли мелких зверей, состоящему из «убойной» плашки с приманкой и насторожкой [Даль, т. 4, с. 223]. «Заряд» же, т. е. ружейный заряд (*пулей на медведя не пойдешь, слопец мы для него готовим* [СРГЗ, с. 383]), выглядит как недоразумение.

Цитирование данных Элиасова в праславянских словарях если и обогащает их, то только сомнительным материалом.

В статье **gatai* 'прорицать, ворожить' «Праславянского словаря» [SP, t. 7, s. 60] цитируется забайк. *gatai* 'спорщик, склочник', понимаемое как дериват праслав. **gatai*, меняющий представление о русско-церковнославянском *гатати* 'предугадывать, догадываться' как слове, чуждом русской народной речи. Слово дается с неточностью, у Элиасова *gatai* [СРГЗ, с. 88]. От привлечения этого слова в SP следовало воздержаться: *gatai* в лучшем случае заимствование из бурят. *gatai* 'вредный, раздражительный (человек)', а в худшем – слово, «созданное» Элиасовым на основе бурятского.

В числе продолжений праслав. **glěvъ* 'слизь' [SP, t. 7, s. 101] приводится забайк. *глефъ* 'слизь на свежей рыбе' из словаря Элиасова [СРГЗ, с. 90]. Справедливее было бы сослаться на *глефъ* в [Кривошапкин, 1865] поскольку Л. Е. Элиасов явно «заимствовал» это слово у Кривошапкина и снабдил контекстами, в подлинность которых нельзя поверить: элиасовская словоформа *глефи* (*на налиме глефи больше всего*) противоречит русской фонетике: *ф* оправдано в конце слова (оглушение -*в*), но не в интервокале: должно быть *глеви*. У Даля находим правильную словоформу *глеву* [Даль, т. 1, с. 355]. Со словом *глефъ* у Элиасова соседствует синонимичное *глеф*, и здесь та же история: дается иллюстрация *рыбу с глефом посолишь*, – должно быть *глевом*! *Глефъ* и *глеф* составляют в СРГЗ пару словарных статей, о чем шла речь выше – вариантов одной.

К сожалению, в русской лексикографии остается без последствий пожелание: «...составителям СРНГ, когда они черпают лексический материал из словаря Элиасова, нужно рекомендовать удерживаться от насквозь лживых, кабинетной выделки иллюстраций. Но с чрезвычайной осторожностью нужно относиться и к самой трактуемой лексике...» [Журавлев, 2003, с. 385]. Это пожелание остается в силе и *mutatis mutandis* актуально для всякого автора, который привлекает данные СРГЗ, черпая их из самого этого словаря или через СРНГ, СибСл. и иных посредников.

¹⁶ Наряду с ошибочным *калаум* СРНГ [вып. 12, с. 336] и СибСл. [т. 2, с. 22] дают и формы *калауз*, *калаус*, *калауш*.

Список литературы

- Аникин А. Е.* О лингвогеографическом аспекте изучения русской сибирской лексики // *Этимология* 1985. М., 1988.
- Аникин А. Е.* Тунгусо-маньчжурские заимствования в русских говорах Сибири. Новосибирск, 1990.
- Аникин А. Е.* Еще раз о «Словаре русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова // *Лексический атлас русских народных говоров* 1999. СПб., 2002.
- Аникин А. Е.* Лексические иллюстрации к русской колонизации Сибири // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 264. Helsinki, 2012.
- Бурыкин А. А.* Замечания к проблеме лексического состава русских старожильческих говоров Забайкалья и некоторые соображения о роли ареальных критериев в этимологических исследованиях диалектной лексики иноязычного происхождения // *Лексический атлас русских народных говоров* 1999. СПб., 2002.
- Бурыкин А. А.* Иноязычная ономастика русских документов XVII–XVIII вв., относящихся к открытию и освоению Сибири и Дальнего Востока России, как исторический источник: Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. СПб., 2011.
- Даль – Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Вступ. ст. А. М. Бабкина. М.: ГИС, 1955. (Набрано и напеч. со 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882).
- Дмитриева Л. М., Сулова Е. В.* Субстратная топонимия бассейна реки Колымы // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы II науч. конф.* Екатеринбург, 2012.
- Журавлев А. Ф.* Лексикографические фантомы. 5. СРНГ. О–П // *Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова*. М., 2003.
- Кривошапкин М. Ф.* Енисейский округ и его жизнь. Прил. IV: Местные слова, употребляемые в Енисейском округе. СПб., 1865.
- Лиханова Н. А.* «Словарь русских говоров Забайкалья» как источник межкультурной коммуникации // *Региональные варианты национального языка. Улан-Удэ, 2013.*
- Молдован А. М., Пичхадзе А. А.* Член-корреспондент РАН А. Е. Аникин (к 60-летию со дня рождения) // *Изв. РАН. Сер. литературы и языка*. 2013. Т. 72, № 2. С. 71–73.
- РЭС – Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1. М., 2007; вып. 7. М., 2013.
- СибСл. – Федоров А. И.* Словарь русских говоров Сибири: В 5 т. Новосибирск, 1999–2006.
- СРГЗ – Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров*. Вып. 12. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977; вып. 23. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987; вып. 24. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989; вып. 39. СПб.: Наука, 2005; вып. 43. СПб.: Наука, 2010; вып. 44. СПб.: Наука, 2011.
- СЯЯ – Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. [Л.], 1958.
- Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- ЭСРДС – Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., доп. Москва; Новосибирск, 2000.
- ЭСРДС-1997 – Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997.
- ЭСРЯ – Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986–1987. (1-е изд. М., 1964–1973).
- Havlová E.* České názvy savců. Historicko-etymologická studie. Praha, 2010.

- Malkiel Y.* Etymological Dictionaries: A tentative Typology. Chicago, 1976.
Nowikowa I. Die Namen der Nagetieren im Ostslawischen. Berlin, 1959.
Orel V. Russian etymological Dictionary. 1–2. Calgary, 2007.
Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
SP – Słownik prasłowiański. T. 1–8. Wrocław etc., 1974–2002.

A. E. Anikin

**Critical and etymological sketches: examples of misunderstandings, inaccuracies,
and falsification in Russian dialectal etymology and lexicology**

The paper is devoted to some negative phenomena in Russian lexicology and etymology. They are illustrated by some examples. The cases in point are: usage of non-existent words, incorrect statement of the other authors' etymologies, distortion of dialectal words. Particular attention is paid to L. E. Eliasov's «Dictionary of Russian dialects of Transbaikalia», which contains falsified data. The consequences of the uncritical use of Eliasov's dictionary are highly undesirable. Meanwhile, his data are widely used in other dialect dictionaries of the Russian language («Dictionary of Russian folk dialects», «Dictionary of Russian dialects of Siberia»), quoted and analyzed in Proto-Slavic dictionaries, as well as in many other dialectological, and historico-linguistic publications, concerning different languages, not only Slavonic.

Keywords: etymology, lexicology, distortion of words, falsified data.

DOI 10.17223/18137083/53/14